

КАФЕДРА

М.П. Крылов

РЕГИОНАЛЬНЫЙ РАКУРС В МЕТОДОЛОГИИ
НАУК ОБ ОБЩЕСТВЕ И В ГЕОГРАФИИ

Исходная постановка проблемы заключается в том, что многие науки, например, история, социология, политология, экономика и др., «по замыслу» должны учитывать «фактор географического пространства» (или «фактор неоднородности географического пространства» — далее «геопространства»), однако делают они это в очень ограниченной форме, или не (вполне) корректно, либо не делают вовсе. За счет этого в результатах научных исследований возникают и накапливаются систематические ошибки, которые далеко не всегда обнаруживаются — особенно с учетом того обстоятельства, что в науках об обществе очень часто невозможен эксперимент, по крайней мере, в том смысле, в каком он понимается в естественных науках. Накопление погрешностей происходит также и в связи с тем, что в отдельных случаях фактор геопространства не играет «слишком большую» или доминирующую роль (хотя априори судить об этом нельзя), поэтому погрешности или ошибки, в том числе ошибки принципиальные, остаются незамеченными. В результате аккумуляция погрешностей может достигать значительной величины, искажая результаты исследования, конкретные расчеты и рассуждения.

Данная проблема связана с взаимодействием внутри общественных наук, тесно связанных между собой, однако имеющих несовпадающие исследовательские приоритеты, например, различной ориентацией на индивидуальное и типическое, на индукцию и дедукцию, на соотношение универсального и уникального. Экономисты чаще настаивают на приоритете универсального, этнографы стремятся в каждой макрообщности найти уникальное. В то же время в географии и социологии разные научные школы трактуют этот вопрос по-разному. Возможно даже, что применимость разных методологий, теорий и концепций (этнографических, социологических, политологических, экономических, географических) объективно различна для разных стран, макро-, а иногда и мезорегионов, наций, этносов, культур, общностей, стран, не говоря уже о цивилизациях и культурно-исторических типах, однако такая позиция воспринимается как излишне «нигилистическая» и содержащая риск значительного усиления субъективизма в исследованиях. Кроме того, понятие о цивилизациях пока еще недостаточно конкретизировано в аспекте геопространства и пока еще сохраняет дискуссионность.

В рамках географии сформировалась определенная традиция, связанная с учетом **пространственной неоднородности, пространственного разнообразия** наблюдаемого (мыслимого, воображаемого) *мезомира*. Однако способ учета пространственной неоднородности может быть различен.

Научные школы в рамках самой географии подходят к такому учету неодинаково. Так, в России и СССР классическими можно считать различия, существующие в рамках физической географии: на планетарном и макрорегиональном уровнях — это различия школ академиков Л. С. Берга и А. А. Григорьева, на мезорегиональном и локальном уровнях — это различия *ландшафтоведения* Н. А. Солнцева и *гео(эко)системного* подхода, включая в последний хорошо известные работы И. М. Забелина, А. Ю. Ретеюма и А. Д. Арманда ([4], [9] и др.). В экономической географии — это различия *районной школы* С. В. Бернштейн-Когана, позже — Н. Н. Баранского, и так называемого «*отраслево-статистического направления*» В. Э. Дена (здесь представляется уместным напомнить, что одним из аспирантов В. Э. Дена был будущий лауреат Нобелевской премии В. Леонтьев).

В интеллектуальном плане наиболее остро вопрос о методологических противоречиях научных географических школ ставился А. М. Смирновым в статьях, отчасти спровоцировавших и завершавших известную «дискуссию по вопросам физической и экономической географии» 1948 – 1952 гг. Несмотря на одиозность, в духе того времени, контекста и фразеологии статей, постановка вопроса А. М. Смирновым и в то время представляется интересной [12]. Позже А. М. Смирнов выступил как один из основных авторов работ по *теоретической географии*, например, [13] и стал восприниматься уже как представитель «другого (в контексте 1970-х гг. – М.К.) лагеря» — выступавшего против догматиков, эмпириков, традиционалистов и сталинистов.

Смысл возражений А. М. Смирнова 1950 г., воспроизведенных им в конце 1960-х гг., сводятся к следующему: ошибочен подход, делающий акцент на «*связь местного местным же*», вне связи с более общими процессами — в таком случае фиксируется не своя специфическая (региональная, территориальная, пространственная) закономерность, а «*местные отклонения от общих закономерностей*». А. М. Смирнов критиковал классическую работу А. Геттнера [3], фактически служившую основой концепции геопространства в страноведении и ландшафтоведении. Концепции ТПК (территориально-производственных комплексов) Н. Н. Колосовского (ныне говорят о «промышленных кластерах») инкриминировался «отрыв от территориального разделения труда». В позднейших работах А. М. Смирнов ввел понятие «*географическое поле взаимодействий*» [13],

внешне напоминавшее социальную физику. Радикализм А. М. Смирнова выражался в представлениях (восходящие, в конечном счете, к «Философии истории» Гегеля) о том, что в геопространстве фиксируются лишь «местные проявления общих закономерностей» [12, 13] и что, следовательно, информация о геопространстве в принципе не может носить фундаментальный характер. Здесь концепция А. М. Смирнова вступает в противоречие с его же собственной исходной посылкой о необходимости теоретизации географии.

Противоречие между научными школами и методологиями можно свести также к вопросу: изучает ли география (или любая из географических дисциплин, оставаясь географией, а не переходя в одно из семейств смежных с географией наук) нечто специфическое, «самостоятельное» или же она представляет собой «пространственную проекцию» (а может быть — «региональный раздел») каких-то других наук, без своей собственной теории, методологии и идеологии. В свое время было предложено изучать «интегральные геосистемы», по Ю. Г. Саушкину, («компажи», согласно принятой в западной географии терминологии). Однако выделение таких «геосистем» определялось не реальными взаимодействиями в обществе и природной среде, а «марксистски обусловленным» стремлением совместить классификацию наук с «материальными объектами» (другая известная попытка такого рода — идея «географической формы движения материи»).

По мнению автора, интеллектуально предпочтительным здесь должен быть подход, совмещающий акцент именно на пространство с изучением какого-то самостоятельного феномена, требующего специальной стратегии исследований и признаваемого за пределами географии (допустим, геополитика, этногеография, экология человека как социальная дисциплина, ментальная география, биогеография, региональная экономика как междисциплинарное направление, комплексное изучение города и городов). Так географы смогли бы наиболее эффективно участвовать в «научном разделении труда», в разной пропорции совмещая изучение *структуры геопространства* (связь *местного и более общего*) и *связь местного с местным же* (ландшафты природный, этнокультурный, городской). В то же время из числа классических направлений географии такими эффективными формами участия в «научном разделении труда», по-видимому, не являются ни страноведение, ни размещение производительных сил, ни его новейшая модификация в духе «новой экономической географии» П. Кругмана.

Широко понимаемое *географическое мышление* переходит в общенаучный методологический принцип *неусредняемости, многовекторности* (формулировка Н. Н. Баранского, которую сообщают студентам, иная — она говорит о «комплексности» как о широте охвата реалий и об «упоре на карту»). Вообще говоря, этот принцип объективно является не толь-

ко географическим (допустим, невозможность усреднения каких-то ценностных ориентаций или биологических или культурных особенностей мужчин и женщин), однако исходная ориентация именно на географическое мышление делает такое понимание более естественным. В то же время скороспелая генерализация приводит, например, к появлению представлений о различных «загадках русской души».

Между тем, достаточно распространенное узкое географическое мышление обычно пассивно и сводит необходимую «регионализацию» к простой задаче районирования.

Выделим два основных уровня необходимого учета фактора геопространства:

— Первый уровень — это **макроуровень (учет разнокачественности пространства)**. Этот уровень предлагается понимать в смысле разделения в пространстве *сфер проявления наблюдаемых (полагаемых) закономерностей* (включая различные аспекты, ракурсы и территориальные уровни такой *разнокачественности*).

С практической (прикладной) точки зрения данная проблема может быть поставлена следующим образом: каков необходимый баланс между УНИФИКАЦИЕЙ и ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОСТЬЮ различных регламентов, норм, стандартов, критериев? И унификация, и дифференциация необходимы в практической жизни. Но в какой пропорции? Вероятно, можно сказать, что необходима «*унификация применительно к дифференциации*».

Но, кроме практических соображений, вытекающих из задач управления, права, менеджмента и др., существует также проблема «истинной» структуры регламентируемого геопространства, не сводящейся к районированию, типологии и классификации — здесь можно упомянуть, например, концепцию «ризомы», а также возможность различных соотношений между локальным/объемлемым и глобальным/объемлющим территориальными уровнями [2], частью и целым [5]. Сюда относится также нерешенная пока проблема содержательного смысла, *таксономического статуса* (тип, подтип, ..., род, вид, подвид) территориальных единиц, включая обычное географическое районирование или же цивилизации [14, отчасти 8]. Между прочим, классическое *экономическое районирование СССР* (проект И.Г. Александрова) предполагало наличие указанного смысла у *экономических районов*: первоначально их таксономический статус приравнивался к союзной республике. В то же время представления этнографов о непреемлемости таксономии для этносов и культур, сложившиеся еще в позапрошлом веке, сейчас воспринимаются не как устаревшие, а как политкорректные, но все же, наверное, недостаточные. Очень часто приходится сталкиваться с нерядоположенностью этносов и культур, необходимостью выделения «имперских» и «неимперских» наций, этносов.

— Второй уровень — это **мезоуровень** (учет *пространственных конфигураций* и различных *позиционных эффектов*; дифференциация однокачественной структуры геопространства; *мезоуровень фиксируется на фоне, в рамках, внутри макроуровня геопространства*). Характерная проблема **мезоуровня** — систематически неверное **усреднение** различных параметров (типа «среднерегионального уровня загрязнения», на который пытался ориентироваться СОПС при Госплане СССР). Некоторая попытка преодоления возникающего при этом искажения информации — это *географизированная статистика* Л. И. Василевского, которая, с нашей точки зрения, переоценивает роль фактора расстояния между учитываемыми объектами, без учета их возможной разнокачественности [1].

К **макроуровню** и **мезоуровню** одновременно относится актуальнейшая проблема «*учета зарубежного опыта*» и адаптации западных теорий, часто служащая предметом различных спекуляций (наблюдается как механический перенос чужеродных стандартов, так и жесткое игнорирование мировых тенденций со ссылкой на «российскую специфику»). Нет единства взглядов о том, что считать «мировым опытом», а что из отечественной традиции, являясь уникальным и неповторимым в мировом опыте, может считаться, тем не менее, органической частью мировой тенденции. Обсуждение этих вопросов характеризуется повышенной нечеткостью, основания для суждений часто идеологизированы. (Приведем пример. Недавно, на одной научной конференции со статусом «международная», аспирантка из С.-Петербурга, ссылаясь на престижную западную теорию, доказывала, что в г. Химки как во внешней зоне Москвы должно наблюдаться постиндустриальное развитие. Возражения о том, что реально в Химках наблюдается прямо противоположное, она не воспринимала. Не воспринимал их и председательствующий, ссылаясь на «недопустимость критики передовых западных теорий». В то же время тенденция к постиндустриальности существует, например, в Жуковском и Раменском — внешняя граница Москвы фактически проходит именно там. Так что теория, возможно, верна, но приложение этой теории к нашим реалиям неудовлетворительно). Для решения проблемы необходима дальнейшая разработка учения В.П. Семенова-Тян-Шанского об аналогах и гомологах [11], а также более широкое применение обычного сравнительного метода.

Для **макроуровня** должна идти речь о «пространственной дифференциации» как о результате наложения *уникального* и *универсального*, а также решение вопроса: **что в наблюдаемых тенденциях есть правило, а что — исключение** и какой содержательный смысл имеют эти исключения. В связи с этим имеет очень важное значение тщательное обоснование выбора и характера учета **МОДЕЛЬНЫХ ПОЛИГОНОВ, КЛЮЧЕЙ**, выявление степени типичности и уникальности полигонов и ключей для территорий разного про-

странственного ранга (уровня). Полигоны и ключи призваны отражать социокультурные и социально-экономические явления, определенным образом выраженные в геопространстве, однако их подбор в конечном счете субъективен.

Большинство имеющихся теорий ТРАДИЦИОННО отбирает какие-то «модельные случаи», подбирая ситуации, соответствующие какой-то ИДЕЕ (а не наоборот — т.е. большинство теорий на самом деле не идет по пути эмпирического обобщения материала — когда возможен неожиданный результат, а предполагает ту или иную степень «подготовки» эмпирического материала «под определенную идею»). Здесь можно сослаться на известное выражение, что для своей теории NN подобрал «Монблан фактов», но можно подобрать также «Монблан фактов» для теории, утверждающей прямо противоположное, что и сделал в своей теории VV (наиболее известный случай — теории эволюции Ч. Дарвина и Л. С. Берга; судя по новейшим публикациям, таким же образом могут быть противопоставлены монетаризм и кейнсианство). Понятно, что *отсутствие представлений о структуре геопространства* (или: субъективизм, произвол в таких представлениях) создает возможности для существования обширного круга взаимоисключающих концепций и теорий, каждая из которых претендует на эмпирическую обоснованность. Примером возможностей для такого произвола открывает концепция «идеального типа», о которой мы уже писали [7].

Некорректными за счет неверного учета фактора геопространства могут оказаться и выборки в прикладных социологических исследованиях. Сами социологи-практики, работающие с *общероссийским* массивом данных, обычно говорят, что их выборки являются «*географически нерепрезентативными*», но это их почему-то не смущает. На языке статистики в данном случае можно утверждать, что без знания генеральной совокупности репрезентативность выборок более чем проблематична — в том случае, если наблюдается разнокачественность геопространства и если существенны не учитываемые позиционные эффекты. Практическая социология оперирует данными порядка 1000 – 1500 респондентов по РФ, в то же время социологи на местах обычно считают, что для города величиной порядка 300 тыс. чел. содержательный минимум респондентов составляет порядка 100 чел. (при оптимуме в 300 чел.).

В исследовательской практике описанная ситуация приводит к появлению противоречащих друг другу результатов исследований *социокультурных* процессов и состояний (в случае региональных социально-экономических проблем ситуация облегчается возможностью экспертного знания проблем территорий). При попытке «воспроизвести эксперимент» неизбежно обнаруживается, что результат оказывается существенно иным. Разуме-

ется, для общества нельзя говорить о буквальной, соответствующей критериям физики, химии и биологии, «воспроизводимости результатов». Тем не менее, принимая соответствующие оговорки, неявно или даже явно предполагается, что, в конечном счете, такая воспроизводимость результатов существует и поэтому можно применять сравнительный метод в пространстве и во времени, например, при построении различных социальных и культурных индексов, по которым осуществляется сравнение стран мира и динамика для отдельной страны. Однако в действительности происходит нестыковка содержательных результатов, поскольку фактически изучаются разные срезы общества [см., напр., 10, 6]. Е. Г. Ясин пишет о затруднениях, возникающих при интерпретации результатов применения для России универсальных методов измерения ценностей Г. Хофстеда и Р. Инглхарта [15, с. 98 – 100].

Актуален вопрос об отличиях политической культуры ПРОВИНЦИИ и СТОЛИЦЫ: является ли ПРОВИНЦИЯ (или, наоборот) Москва моделью для России, идет ли ПРОВИНЦИЯ за СТОЛИЦЕЙ, существует ли своего рода «китайская стена» между политической культурой ПРОВИНЦИИ и политической культурой СТОЛИЦЫ. Обсуждается вопрос (в т.ч. в связи с политическим поведением, политической культурой): различаются ли регионы только долей сельского (городского) населения — и тогда различие провинции и столицы сводится к различиям городской и сельской культуры, или же есть какие-то существенные различия, которые могут быть сведены к степени традиционности (консерватизма) или оппозиционности (лояльности), отражают особенности отдельных регионов, являются проявлением региональной неоднородности российской (русской) культуры. Не учитывается, что во многих провинциальных городах (там, где традиционно существует ВУЗы и относительно высок культурный потенциал) узко понимаемая политическая культура мало отличается от столичной и высока степень связности местного сообщества, которая обычно выше, чем в столицах (например, гораздо выше непосредственный личный контакт между представителями местной интеллигенции), и, таким образом, существенными оказываются индивидуальные особенности городов, а также их типологические характеристики. Например, наибольший уровень поддержки местных экологических («зеленых») движений в российских городах был зафиксирован для городов, имеющих величину социально-культурного потенциала в диапазоне 12 – 40 промилле от социально-культурного потенциала Москвы (величина социально-культурного потенциала, по данным и по методике ЦНИИП градостроительства) [6, с. 188]. Таким образом, культура (экологическая, политическая, другая) обнаруживает значительную пространственную неод-

народность – на уровне регионов и отдельных городов. Тем не менее, большинство политологов пока предпочитает говорить о России в целом и о российской провинции в целом.

Список литературы и источников

1. Василевский Л. И. Математические методы в экономической географии // Краткая географическая энциклопедия. Т. 5. — М.: Изд – во «Советская энциклопедия». 1966. — С. 152 – 159.
2. Волкова И. Н., Крылов М. П. Структурные уровни геопространства // Третий Всесоюзный симпозиум по теоретическим вопросам географии. — Одесса-Киев: Наукова думка. 1977. — С.66 – 68.
3. Геттнер А. География: ее история, сущность и методы. Пер. с нем. Е. А. Торнеус. Под ред. Н. Баранского. М. — Л.: Госиздат. 1930.—416 с.
4. Забелин И. М. Теория физической географии. — М.: Географгиз. 1959. — 303 с.
5. Зиновьев А. А. Логика науки. — М.: Мысль. 1971. — 279 с.
6. Крылов М. П. Региональная идентичность в Европейской России. — М.: Новый хронограф. 2010. — 237 с.
7. Крылов М. П. Взаимодействие смежных наук при изучении региона: эффективность и сочетаемость методологий и теоретических допущений // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2012. № 1. — С. 37 – 57.
8. Мелко М. Природа цивилизаций // Время мира. Альманах. Вып. 2. Структуры истории. — Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. — С. 306 – 327.
9. Ретеюм А. Ю. Физико-географические исследования и системный подход // Системные исследования. Ежегодник – 1972. — М.: Наука, 1972. — С. 98.
10. Российская идентичность в условиях трансформации. Опыт социологического анализа. — М., Наука, 2005. — 396 с.
11. Семенов-Тянь-Шанский В. П. Район и страна. — Л.: Госиздат, 1928. — 312 с.
12. Смирнов А. М. Об основах географической науки // Вопросы философии. 1950, №2. — С. 83 – 103.
13. Смирнов А. М. Общегеографические понятия // Теоретическая география. Вопросы географии. Сб. 88. — М.: Мысль, 1971. — С. 29 – 60.
14. Ускотт Р. Исчисление цивилизаций // Время мира. Альманах. Вып. 2. Структуры истории. — Новосибирск, Сибирский хронограф, 2002. — С. 328 – 344.
15. Ясин Е. Г. Модернизация и общество. — М.: Издат. дом ГУ ВШЭ, 2007. — 115 с.